

Воспоминания о Великой Отечественной войне

Ядвига А. (1937 г.р.)

Войну я и мои родители встретили в д.Болоча Пуховичского района Минской области. Моего отца сразу призвали в армию, что с ним стало я не знаю.

Когда началась война, папа прибежал домой, поцеловал всех детей, сказал моей маме: «Мамка, береги детей!», и ушел на фронт. С войны он не вернулся.

Через нашу деревню бомбить Минск летали самолеты, поэтому на ночь мама завешивала окна в доме. С самолетов иногда стреляли, от чего загорались соломенные крыши домов. Когда осенью стали бомбить нашу деревню, все люди выбежали из домов и разбежались в лес. Когда мы вернулись в деревню после бомбежки, то увидели, что наша соседка лежит мертвая около своего дома, у нее были оторваны две ноги. Похоронили ее всей деревней. У одного соседа во время бомбежки ранило жену, она не могла встать. Когда в деревню на мотоциклах приехали немецкие солдаты, он обратился к ним за помощью. После чего один немец подошел к ней и выстрелил из пистолета. Немецкие солдаты выбрали всех комсомольцев с нашей деревни, в том числе и бывшего председателя, после чего на наших глазах всех расстреляли. Мы ушли в лес. Где вырыли землянки, в которых стали проживать. Зимой было очень холодно, у нас было много вшей. Поэтому мама снимала с нас одежду и на улице вытряхивала. В землянке была печь с трубой на улице, но все равно было много дыма. Позже сосед нам сказал, что чуть дальше в лесу живут наши родные. После чего мы ночью перешли через болото к ним. На следующий день мама вернулась обратно за вещами и обнаружили, что все землянки были раскопаны, а люди (25 семей) – убиты. Спаслись смогли только моя двоюродная сестра и ее отец, они незаметно вышли с землянки и спрятались.

Позже была облава и нас всех выгнали из леса, погнали в деревню Междуречье. Там нас поставили около большого рва, рядом ходили полицаи. Они говорили, что мы партизаны и нас расстреляют, все плакали и кричали. Моя мама нас подбадривала, просила, чтобы мы не плакали. Затем к нам подъехал немецкий офицер, после разговора с ним нас погнали в деревню Местечко Пуховичи. Где согнали в большой сарай, внутри стояла бочка с водой. Продержали нас там два дня. Мы были уверены, что нас сожгут. Затем нас отправили в г.Марьину Горку в лагерь, территория которого была обнесена колючей проволокой. Спали на полу, на соломе. Еду приносили в ведре. Маму с другими взрослыми гоняли на работу, а дети оставались одни. Весь день мы сидели в бараках. Иногда ходили к яме с отходами, где искали, чтобы поесть, так как были очень голодными.

В лагере мы прожили около 2-х недель. Когда нас освободили солдаты нашей армии, мы пешком пошли в свою деревню. Придя домой, мы увидели, что все дома сожжены. Мы выкопали землянку, где жили, пока не построили дом.

Янина П. (1940 г.р.)

Когда началась война, мне не было и 2 лет. В силу своего малолетнего возраста о событиях мне известно со слов моих родителей и родных.

Мои родители были в партизанах в Пуховичском районе. Их отряд назывался «Пламя». Меня оставили с бабушкой. Брата оставили со второй бабушкой. Бабушка рассказывала, что с приходом в деревню немцев люди стали прятаться и убегать. В один из дней бабушка и ее односельчане прятались от немцев в ржаном поле. При этом она закрывала мне рот рукой, чтобы я всех не выдала. В тот день немцы никого не нашли, разграбили дома и уехали. Однажды немцы согнали всех жителей, кто не успел спрятаться, на болото. Потом всех на машинах вывезли в концлагерь. Я с бабушкой оказалась в концлагере в Марьиной горке. Было холодно и голодно. Иногда нас подкармливали люди, бросая нам еду через ограду. Лагерь был обнесен колючей проволокой, охранялся собаками.

Уже после войны мне родственники рассказывали, что в один из дней немцы сгрузили жителей нашей деревни в колодезь, очень плотно, после чего стали расстреливать. Оставшиеся в живых местные жители позже, когда уехали немцы, достали людей, мертвых похоронили, выживших постарались спасти. Моего дядю расстреляли на глазах его матери.

Тамара А. (1933 г.р.)

В 1941 году мне было 8 лет и я проживала в деревне Мышковичи Кировского района Могилевской области. Когда началась война, в одной из комнат нашего дома стал проживать немец. В деревне была «группа поддержки» из украинцев, которые на рукавах носили бело-красно-белые повязки. Много было доносчиков.

Моя семья решила уехать в партизанский отряд, стали собирать вещи. Об этом рассказали немцам – родителей забрали. Я бежала за ними, поэтому взяли и меня. Повезли нас до поселка Кировск.

Позже узнала, что после нашего отъезда в деревню пришли немцы и начали убивать жестоко детей. Так, трехмесячного ребенка на вилах опустили в колодезь. Немцы расстреливали жителей деревни зажигательными пулями – человек сгорал заживо.

Нас привезли в тюрьму в Бобруйске. Меня поместили отдельно от родителей, так как дети и взрослые содержались раздельно. Я там пробыла 2 дня. Кто начинал болеть – расстреливали. Здоровых детей готовили для забора крови. Моего отца из тюрьмы вывезли в Австрию. В тюрьме я заболела желтухой, меня должны были расстрелять. Но меня спасла переводчица, которая вместе с работником тюрьмы смогла меня вывести. Потом переводчица прятала меня у себя, пока мой дед не приехал за мной и не забрал. В деревне я со своими сестрами прожила полтора года в подвале. Смогла выйти, только когда немцы отступили.

Светлана Ж. (1930 г.р.).

Мне не было 11 полных лет, когда началась война. Об этом нам никто не сказал, мы с папой пошли покупать канцтовары к школе, а магазины закрыты. Вернувшись домой, мы узнали, что началась война. Самое страшное было, когда бомбили Минск. Люди прятались в сараи и в погреба. Вам не передать те чувства, которые мы испытывали, когда сыпались бомбы. С подростками лазили на крышу смотреть. Нас тут же гоняли взрослые. Бомбы сыпались одна за одной, горело всё. Небо было черное как ночь, понимаете, дня не было. Одного раза, когда я с семьей пряталась в сарае, совсем рядом упала бомба. После бомбежки мы не могли выйти, потому что все завалило, кругом была вода и грязь, все окна повывлетали. Такой страх был, что не передать. На всю жизнь.

Во время войны мой папа был связным с партизанами. Он часто приносил от них еду. Однажды немцы его выследили. Ночью в дом к нам ворвались немецкие солдаты, забрали и повезли всю нашу семью на вокзал. Погрузили нас в товарные вагоны, в которых было только маленькое окошечко с проволокой.

Дети кричали в вагонах. Куда нас везли, никто не знал. По пути не кормили, от чего много людей умирало. Привезли нас в лагерь под Штутгартом. Затолкали всех в бараки. Всех «гоняли» на работы. Кормили только горячей водой и хлебом с опилками. Затем мужчин куда-то вывезли. А детей стали привлекать к работам. Если плохо выполняли, то били палками.

Затем нас с мамой отправили в лагерь для работ при заводе, где дети собирали металлическую стружку. Если заметят, что осталось грязь, обязательно били. Представляют собирать руками без перчаток в ящик стружку.

Медицинской помощи нам не оказывали. Врачи приходили только тогда, когда нужна была кровь, которую брали у детей.

Маму с другими женщинами заставляли стирать содой солдатскую одежду. Младшую сестру она брала с собой, чтобы та не потерялась, прикалывала ее одежду к своей булавкой. По вечерам, когда мама возвращалась, у нее все руки были в волдырях.

Когда нас освобождали, бомбили сильно. Утром нас должны были «гнать» на работу, но нас не выпустили, не открыли ворота. Слышно было, как ругались, а потом все затихло. Как отрыли ворота, оказалось очень много людей погибло. Мы помогали носить трупы в вырытую яму. Нас освободили американские солдаты.

С папой встретились только, когда американцы передали нас нашим солдатам.

Валентина К. (1939 г.р.).

Когда началась война, я проживал в деревне Сенча Минской области. Мой отец ушел на фронт, а мать с 5 детьми осталась дома. Почти сразу после начала войны наша деревня оказалась оккупированной немцами, которые сразу заняли хорошие дома, выгнав людей на улицу. В деревне были как партизаны, так и полицаи. Чуть позже немцы стали выгонять людей из своих домов, стреляли в окна, разбивали стекла. Все жители собрались на перекрестке. Немцы заставили женщин идти с плугами, чтобы проверить наличие на дороге мин. Потому что ранее на дороге подорвалась повозка с немцами. Затем всех людей согнали в сарай. Некоторых отправляли разбирать завалы, оставленные на дорогах партизанами, дети и старики оставались в сарае. Нас не кормили. Когда выпустили из сарая, сам сарай подожгли. Все были напуганы. Людей построили в шеренгу, после чего немцы расстреляли мужчин, подростков в возрасте около 15 лет и стариков. Трупы бросили в горящий сарай. Всех оставшихся немцы пешком гнали в лагерь, расположенный на территории Марьиной горки. У старших детей немцы брали кровь, принудительно использовали в качестве доноров. Кормили 1 раз в день. В лагере все заболели, как потом оказалось, немцы умышлено заразили детей. Я лично болел брюшным сыпным тифом и туберкулезом.

После освобождения, когда немцы отступили, все дети разбежались по лесам и прятались там еще 3 месяца. Мать нашла нас после освобождения. Домой мы не вернулись, так как всю деревню сожгли.

Ираида К. (1931 г.р.).

Когда началась война, мы с мамой жили у ее родителей в Жлобине. Когда пришли немцы, всех людей согнали на железную дорогу. Погрузили в товарные вагоны и везли в неизвестном направлении. В вагоне было очень много людей.

Когда привезли на станцию, то всех погнали в неизвестном направлении. Гнали как стадо баранов. Тех, кто отставал, били. Запомнился случай. Мы шли по краю дороги. Рядом шла одна женщина с тремя детьми. Один маленький - на руках и двое постарше за юбку держались и котомка за плечами. Женщина стала отставать, так один гестаповец стал бить ее в грудь автоматом. Шли очень долго. Одна женщина по пути подняла своего грудного ребенка за ноги и ударила об дерево, затем последовала автоматная очередь – женщина сразу же упала. А люди так шли дальше.

По дороге в грязи мы увидели труп моей бабушки. Оказывается, ее с семьей моего дяди раньше гнали по этой же дороге. Нас согнали на болото, где оградили колючей проволокой, чтобы люди не сбежали. Питались всем, что с собой взяли.

Моей маме рассказали, что все заражены тифом, а когда советские солдаты будут освобождать, то тоже заразятся.

Нина Л. (1940 г.р.)

Я родилась и проживала с родителями в Минске. Когда началась война, отец отвез меня с братом и мамой к своей матери в Гомельскую область, а сам ушел на фронт.

Когда в деревню пришли немцы нас разделили, я осталась с бабушкой, а мама с братом. Потом нас отправили в лагерь «Озаричи». Лишь позже мы с бабушкой узнали, что в этом же лагере находилась и моя мама. Но мы были не вместе.

В лагере мама потеряла моего брата. Она ушла на работы, а вернувшись, не смогла его найти. Мы долго потом его искали, так и не нашли. Мама мне рассказывала, что у брата брали кровь. Мама работала на кухне. В лагере всех заражали тифом. Жили все под открытым небом. Не кормили. Сбежать с лагеря было невозможно, так как он был заминирован.

Нина Г. (1935 года рождения)

Когда началась война, мы жили в д.Болоча, Пуховичского района, Минской области. Деревню сожгли немцы, а люди разбрелись кто куда. Немцы нас схватили в лесу, там много было наших, прятались в партизанских землянках. Шли все, плакали и кричали. Шли пешком. Гнали нас в сторону Марьиной Горки. По дороге не кормили и не давали пить. Немцы шли с собаками. Шли в основном старики, женщины и дети, мужчин среди нас не было.

В лагере загнали нас в бараки, спать было негде. Бабушка все время держала моего брата маленького на руках.

Молодых женщин из лагеря постоянно забирали и вывозили на работы в Германию. Мы очень боялись, что нашу маму тоже могли забрать, поэтому всегда со страхом ждали, чтобы мама пришла и ее не забрали.

Папа мой погиб во время войны. Он ушел в партизанский отряд, который занимался подрывом железных дорог. Когда очередной раз папа с товарищами заложили мины под рельсы и стали отходить, кто-то засомневался и они вернулись. В это время проходил поезд, мужчины не успели спастись, в том числе и мой папа.

Во время войны самолеты очень низко летали и с них расстреливали людей. Нас предупреждали, что когда летит самолет, нельзя бежать, а нужно быстрее ложиться на землю.

Галина А. (1925 г.р.)

Я училась в техникуме под Ленинградом, когда началась война. Мама приехала за мной и сказала, что нужно возвращаться домой. Сначала мы ехали на поезде, а потом пришлось идти пешком, поскольку дорогу перехватили немцы. Нас не пропускали. Так мы остались в одном городе в Ленинградской области. Когда в город пришли немцы, то всех согнали и заставили идти пешком. Куда? Не знаю. Шли мы примерно 10-12 дней. Нас

охраняли солдаты с автоматами. Все думали, что расстреляют. Люди плакали и кричали. Затем нас посадили в машины и повезли. Так мы попали на сборный пункт, где всех распределяли.

Дальше рассортировали по товарным вагонам. Ребята топили печку, так как было холодно. Нас привезли в Германию, где пересадили в хорошие вагоны. Все очень удивились. Весь путь мы были под охраной. Нас не кормили, не давали даже воды.

Привезли нас в Оффенбург. Где всех людей поместили на рабочую биржу и стали продавать. Покупали обычные немецкие граждане за марки. Затем сказали, что нас заберут хозяева. Я попала к немке работать, а мать к другому немцу.

Делала работу по хозяйству. Кормили мало, суп из травы и хлеб, иногда давали картошку. Помню, много работы было. Я молодая, а мешок по 50 кг. нужно поднять, не выдерживала, думала, что погибну.

Роза Н. (1934 г.р.)

На начало войны я со своей семьей проживала в деревне Семеновичи Гомельской области. Отец был призван в первые дни в Советскую Армию. Был ранен под Москвой и скончался от полученного ранения в госпитале. Когда пришли немецкие войска в деревню, мы пошли прятаться в лес. Однако мы с мамой что-то забыли и вернулись. Тогда нас словили немцы. Брат остался в лесу с партизанами, в течении войны мы его не видели.

Из моих воспоминаний остался тот факт, что когда появились немецкие солдаты, то они стали ходить по дворам и стали забирать всю живность, продукты и ценное имущество. Фактически людей они бросали на голодную смерть. У меня постоянно было чувство голода. Всех, кто помогал партизанам (женщин, стариков и детей), согнали в дом на краю деревни и сожгли.

Из всех, кто находился в том доме, осталась в живых только одна девочка 11 лет. Она выпрыгнула из окна и убежала в лес.

Потом немцы стали выгонять всех жителей из своих домов. Я тогда болела и плохо помню. Всех погнали в лагерь «Озаричи». Более менее я в себя пришла, когда мы находились в лагере. По периметру лагеря находились вышки с солдатами, весь лагерь был обнесен колючей проволокой. Было очень много трупов стариков, женщин и детей. Помню, как немцы кинули буханку хлеба людям, когда те побежали за едой – стали стрелять.

Лидия Т. (1935 г.р.)

На начало войны мне было 5 лет. В то время мы всей семьей проживали в деревне Пеняжки Пружанского района. Я хорошо запомнила, что немцы появились в нашей деревне в первый день войны после обеда. В деревню со стороны Беловежской пуци заехал легковой автомобиль, в котором сидел немецкий офицер в очках. За ним зашли немецкие солдаты, часть из которых шла пешком, а другие – ехали на велосипедах и

мотоциклах. При этом шла перестрелка. Отец спрятал нас в погребе. Дальше в деревню зашла колонна приблизительно из 15 мужчин, предположительно Советских пограничников. Было видно, что они были сильно измучены и ранены. По бокам колонны шли вооруженные немецкие солдаты. За колонной шел немецкий офицер и стрелял в затылки пограничникам. Он расстрелял всех пленных. Я это видела своими глазами. По деревне ходили немцы с полицаями, которые показывали дома евреев. Позже их всех расстреляли. Также полицаи показывали на семьи, члены которых являлись коммунистами, либо оказывали помощь Советской власти. Так как мой отец был коммунистом, его отправили на территорию Польше, где потом казнили через повешение.

Приблизительно в конце лета 1941 г. немцы стали вывешивать списки людей и семей, которые подлежали принудительному вывозу в Германию. Для чего, нам не говорили. Шли пешком, кто-то на телегах. Рядом сопровождали солдаты с автоматами. Вывозили нас на пассажирских поездах, где полки были переполнены людьми.

Привезли нас в деревню Асенберг. Там поместили в кирпичное зернохранилище с бетонным полом. Взрослые уходили рано утром на работы в поле. Собирали овощи и выполняли другую работу. Я играла одна. Я не знала, что на территории жили и другие такие же вывезенные семьи. Нас контролировал немец, общаться не разрешали.

Там мы жили и работали до освобождения Советскими войсками.

Болеслава Г. (1926 г.р.)

На начало войны я с семьей проживала в Минске. О начале войны я узнала, находясь в цирке. Через какое-то время над Минском появились немецкие самолеты и стали бомбить город. В основном бомбежке подверглась центральная часть города. Мы прятались в землянках, которые вырыл отец. Через два-три часа появились немецкие солдаты. Город был в огне и дыме. На улицах лежали мертвые люди, которые не успели спрятаться. Такая бомбежка продолжалась около 5 дней. Весь город был в руинах. На моих глазах немецкие солдаты изнасиловали двух женщин из нашего дома. Затем стала очевидцем, когда немецкие солдаты на улице расстреляли двух молодых парней. Как я узнала позже, их расстреляли за то, что они перерезали провод.

По указанию немцев принудительно согнали людей на улицу Советскую (сейчас площадь Независимости), где на виселицах по обе стороны дороги повесили порядка 200 человек (мужчин и женщин), которые висели около 3-х дней.

Однажды к нам в дом пришла женщина, которая сбежала с Тростянца. Она рассказывала, что немцы заставляли людей рыть ямы, а потом расстреливали. Она осталась жива, а ее семью – мужа и двоих сыновей – расстреляли. Моей отец ночью вывез женщину к партизанам. Она была еврейкой, если бы она осталась, нашей семье грозил расстрел.

Примерно в марте 1944 года была облава и всех вывозили в Германию на товарных вагонах. Туалета не было, ходили в ведро. Ехали долго. Привезли нас в лагерь в г.Познань в Польше. На территории были деревянные казармы, в которых находились настилы. Территория ограждена колючей проволокой. По периметру ходили вооруженные солдаты. Еды не хватало. В один из дней в лагере появился мужчина-немец, который выбрал себе 5 женщин, меня в том числе. Так мы с ним поехали к нему работать. Кормили нас хлебом и отправляли на полевые работы. Всего на ферме работало порядка 50 человек.

В сентябре 1944 года нас освободили Советские войска.

Светлана П. (1937 г.р.)

Мои родители работали учителями в школе. Когда началась война, моего отца призвали в Красную Армию, где он и другие военные быстро попали в плен. Но в 1942 году отцу удалось сбежать из плена и вернуться домой.

Рядом с нашей деревней располагался аэродром советских войск, поэтому с приходом немцев наша деревня подверглась бомбежке немецкой авиацией.

По ночам в деревню приходил партизаны. Мой отец и односельчане помогали им, передавали продукты и все необходимое. Позже немцы узнают о помощи партизанам, поэтому всех жителей деревни отправят в немецкую тюрьму в г.Кировске.

Моего отца часто вызывали на допрос, но он не признавался. Затем около 60 человек, в том числе и нас повели в местечко Городец. Людей запрягли в плуг и заставили вспахивать дорогу, чтобы убедиться в отсутствии мин на дороге. Так мы дошли до ближайшей деревни, где всех собрали перед большой свежерытой ямой. Все понимали, что нас расстреляют. Кто-то отвел меня и сестру в сторону от толпы. В последний момент пришел приказ всех отпустить. Так мы чудом уцелели.

Лидия С. (1936 г.р.)

События войны я помню из рассказов матери.

Когда началась война, наша семья жила в Жлобине. Город захватили немцы, и всем было запрещено выходить из домов. У нас в доме немцы хранили мины и гранаты. Однажды одна мина пропала, после чего немцы стали пытаться мою маму: посадили ее к стене и стали стрелять поперх головы. Мама осталась жива.

Позже всех жителей города выгнали на улицы и отправили в лагеря. Часть людей вывезли в Германию.

Сначала нас привели в первый лагерь, где мы пробыли 5 дней. Затем пешком погнали в следующий, по дороге не кормили. Тех, кто не мог идти или пытался бежать – расстреливали.

Когда мы подошли к лагерю, то вдоль его были вырыты ямы, в которых было много трупов. В лагерь часто приезжали грузовые машины, в которые грузили детей. У моей мамы нас было четверо, она очень хотела нас тоже загрузить, но мы попросились остаться и быть вместе. Позже мы узнали, что детей забирали на донорство, органы и опыты.

В лагере немцы кормили зараженным тифом хлебом, при этом говорили: «ваши сами вас расстреляют». Когда нас освобождали, немцы заминировали лагерь. Поэтому всех выводили по узкому туннелю, который смогли разминировать советские солдаты.

Вся моя семья переболела тифом, из-за чего одна сестра умерла. Мне болезнь дала осложнение на уши, поэтому у меня плохой слух.

Вячеслав Т. (1938 г.р.)

Я жил с семьей в деревне Ганевичи недалеко от Хатыни. Помню, как весной 1944 года мы гуляли с ребятами, а со стороны Хатыни гнало ветром щепки и несгоревшие ошметки. Доносились крики и стоны людей.

Почти все рядом лежащие деревни были сожжены немецкими солдатами. В нашей деревне жило пять еврейских семей, помню девочек Зелду и Фиру, которые жили с нами по соседству, и мы часто гуляли. Их расстреляли у всех на глазах. Очень многих немцы избивали и казнили. Моего отца забрали по доносу местного полицая, которого отец выгнал с нашего дома. Позже мы узнали, что отца казнили, его тело нашли партизаны.

В 1944 году немцы стали делать облавы, которые были очень жестокими. Всех жителей деревни согнали на пастбище для коров, обнесенное проволокой. Одних сгоняли за проволоку и убивали током. Других, в том числе и нас – отправили в районный центр. Мама попросила меня сходить и отпустить собаку с цепи. Немец, который стоял у нашего дом, меня не пустил и больно ударил ногой в пах. Мама сама пошла проситься, на польском и немецком она смогла выпросить продуктов и забрать собаку. Людей поставили в колонну и стали грузить в машины. Все это время людей избивали, одна женщина стала громко кричать, когда ее бил немец. Наша собака набросилась на немца, он выстрелил. Но получилось так, что пуля срикошетила и убила немецкого офицера. Поднялась паника и суматоха. Люди стали разбегаться кто куда. У нас получилось бежать в другую деревню. Мы

попали в Юрковичи, где было много полицаев. Нас поймали, погрузили и отправили в Минск.

Нас привезли в концентрационный лагерь на ул. Широкой в Минске. Кормили нас гнилой кониной, делали «барматуху», хлеб давали маленькими кусочками и с опилками. Я настолько изголодал, что не мог ходить. По ночам нас поднимали с собаками и били, взрослых выстраивали. Кто отбивался – расстреливали. Детей отводили на день за решетку, а взрослых отправляли на работы.

Многих били. Часто заставляли людей танцевать и петь песни, кто не слушался – расстрел.

Однажды военнопленные через проволоку сказали, что скоро будет бомбежка, так как будут наши освобождать. Тогда вечером мама взяла меня и сестру, и мы спрятались в подвале. Было очень страшно.

Нас освободили советские войска. Возвращались домой пешком.

Тяжело было. Война – это тяжкое событие, мы пережили очень многое. Всего не передашь, даже когда рассказываешь, сдают нервы. Все это дикость.

Янина Н. (1936 г.р.)

В 1941 году я проживала с семьей в деревне Осовок на то время Воложинского района. Осенью в деревню пришли немцы, всех жителей погнали в деревню Дуковка, где собрали в одно место и огородили колючей проволокой. Ночью на часовых напали партизаны и освободили всех жителей. Мне с мамой и братом пришлось переехать в другой населенный пункт. Там мы снимали квартиру, но не долго. Когда немцы стали наступать и подошли к деревне, мы ушли жить в лес. Позже нас и других людей поймали, опять согнали в одно место. В этот раз среди нас уже были и военнопленные советские солдаты.

Спустя несколько дней всех задержанных построили в две шеренги Меня с мамой и братом посадили на машину вместе с другими людьми. Тех, кто остался, загнали в дом, который облили бензином и подожгли.

Нас привезли в Осиповичи, где на поезде вывезли в Германию. По пути нас не кормили, нужду справляли прямо в вагоне. По прибытию в Германию, маму определили на работу на завод, где плавил металл. Проживали мы в бараках, кормили нас плохо, условия труда были невыносимыми.

Освободили нас советские солдаты.

Зинаида М. (1926 г.р.)

До войны моя семья проживала в поселке Торгорщина. В июне 1941 года наш поселок был оккупирован немцами, которые

расположились в д.Сиваи, что в 3-х км от нас. Там же был немецкий карательный отряд.

Был постоянный голод, часть продуктов отдавали партизанам.

В 1944 году меня и других жителей деревни вывезли на работы в Германию, а родители остались в поселке. Везли на поезде в товарных вагонах, которые были плотно заполнены людьми. Во время еды и воды не давали.

Когда привезли в Германии, меня отправили на принудительные работы. Сначала я чистила спаржу. Тех, кто плохо работал, охранники били палками. Также могли ударить, если ты им не понравился. Удары наносили по различным частям тела. Кормили плохо.

Позже меня перевели на другую работу, в основном я чистила картошку. А перед самым освобождением я работала в швейном цеху по пошиву рукавиц.

Роман Г. (1932 г.р.)

До начала войны я проживал с родителями в Минске. Когда началась война, я был в санатории в селе Острошицкий городок. В один из дней немецкая артиллерия стала обстреливать территорию санатория. Один из воспитателей собрал детей и сказал всем спрятаться в воронку от разорвавшегося снаряда, полагая, что другой снаряд в него не попадет. Я спрятался в другом месте. Но через несколько минут я увидел, что один из снарядов попал именно в ту воронку, где находились дети и воспитатель. Они все погибли.

Позже за мной в санаторий пешком пришла мама. Когда мы вернулись в Минск, мы узнали, что в наш дом попала бомба, и он сгорел. Вместе с мамой и сестрой мы пошли жить к дедушке с бабушкой.

Во время облавы дедушку и бабушку задержали немцы и увезли в неизвестном нам направлении. Но я позже узнал, что по пути дедушка пытался сбежать и спрыгнул с машины, но один из сопровождавших их немцев его застрелил.

Мой отец ушел в армию в 1941 году, но вскоре попал в плен к немцам. Из плена его выкупила за продукты какая-то женщина. Отец разыскал нас. По возвращению он работал на мясокомбинате, а затем ушел в партизанский отряд, где находился до конца войны. Со слов отца в лагере военнопленных, где он находился, были тысячи людей, которых не кормили и не поили. Они умирали от голода.

В ноябре 1941 года немецкие солдаты проводили облавы, в ходе которых проверяли все дома с целью поимки партизан. При проверке нашего дома отец спрятался под одеялом, плотно прижавшись к нему.

Немцы его не заметили, особо кровать не осматривали, так как боялись вшей и блох.

Когда отец ушел в партизанский отряд, мы с мамой и сестрой стали жить в доме одной женщины, которая была врачом. Когда к ней пришли с очередной раз с облавой два полица, меня и сестру вывели из комнаты, а маму и женщину застрелили.

Оставшись с сестрой, мы решили найти партизанский отряд своего отца, но когда шли по лесу, нас задержали полицаи, после чего мы разбежались в разные стороны. Далее я уже сам направлялся в г.Логойск, но вновь был задержан полицаем. Но и здесь мне удалось бежать, но опять безуспешно. Так я попал в гетто в д.Красное, где позже меня смог забрать знакомый моего отца.

Так я стал проживать в лесничем доме на расстоянии 1-2 км от деревни Бригидово. Однажды, гуляя с сыном лесничего, мы увидели над деревней Бригидово огромное пламя. Позже узнали, что всех жителей этой деревни сожгли немцы.

У меня получилось найти партизанский отряд, в котором был мой отец. Я помогал раненым и занимался хозяйством.

Инесса К. (1939 г.р.)

Инесса К. родилась в 1939 году в Могилеве. Когда началась Великая отечественная Война, ее отец ушел на фронт. Она с матерью и старшей сестрой оставались жить некоторое время в Могилеве. В 1941 году город захватили немцы. Матери Инессы К. с детьми пришлось уехать в Минск к сестре отца. Но по пути следования в Минск поезд, в котором они ехали немцы развернули и отправили в Литву.

«Как оказалось, везли нас в лагерь в городе Ганновер. Везли в товарных вагонах, в нечеловеческих условиях. Вагон был забит людьми «под завязку».

Мать Инессы К. вместе с другими женщинами работала на заводе. Их уводили строем утром и возвращали в лагерь вечером. Дети оставались в бараках и были предоставлены сами себе - голодные и замерзшие.

«Охраняли лагерь с собаками, на вышках постоянно стояли охранники с автоматами. Был среди охранников и полицаи из Украины, очень злой был, старался всегда выслужиться перед немцами. Немецкие женщины иногда приносили нам еду- хлеб и бросали через колючую проволоку. Так вот этот полицаи нас отгонял, что бы мы не могли взять еду, орал на нас».

Когда заболела сестра Инессы К., мать пыталась скрыть это, потому что немцы забирали больных детей и больше их никто не видел.

«Что бы мою сестру не забрали немцы, мама облила себе кипятком ноги. Надзирателям мама сказала, что сделал это случайно. Немецкий врач выдал ей мазь. Мама некоторое время не ходила на работу, так ей удалось выходить сестру. Также мне запомнилось, как нас всех однажды согнали на

площадь и на наших глазах расстреляли пятерых молодых людей, которые пытались бежать из лагеря. И нам всем пригрозили что так будет со всеми, кто попытается убежать. Меня также хотели расстрелять за то, что я ukrала сырую брюкву. Но моя мама вымолила у начальника лагеря на коленях пощады и меня не расстреляли».

Леонид Г. (1939 г.р.)

Леонид Г. родился в 1939 году в Логойске. В семье помимо его было еще 6 детей. В 1943 году его с родными немцы забрали в лагерь. Везли сначала на машине, а потом – поездом.

«Лагерь был обнесен колючей проволокой. Нас поселили в барак. Один раз немцы бросили за проволоку лошадь, которую взрослые убили и разделили, чтобы поесть. Иногда кормили брюквой и картошкой. Мама приносила с работы, хоть это было запрещено.

Помню, как за ограждением росла яблонь. Мы с ребятами полезли за яблоками. Нас поймали немцы, повезло, что не убили. Только подняли за воротник и ударили ногой по ягодицам».

Мария К. (1936 г.р.)

Мария К. родилась в 1936 году в деревне Стаховцы. Во время войны их деревню сожгли немцы. Марии К. и ее родным пришлось жить в сарае. В 1943 году ее с семьей вывезли в Германию в лагерь. Собрали всех жителей деревни, не взяли только больных. Везли их в вагонах.

«Жили в бараках. Жили мы всей семьей в комнате, там также проживали украинцы (8 человек), поляки (4 человека), всего 16 человек. Туалет у нас был на улице. В лагере нас кормили редко, давали остатки еды».

Валентина П. (1936 г.р.)

Когда началась война, Валентина П. проживала с семьей в поселке Кличев. Всех жителей поселка немцы вывезли в «тюрьму» в поселке Кировск. Где содержали в нечеловеческих условиях, в деревянном бараке без еды и воды. Помогали выжить жители соседних деревень.

«Когда мы вернулись после освобождения нас партизанами спустя 2 года, оказалось, что деревню сожгли немцы. Мы вынуждены были жить в землянках».

Нина Б. (1930 г.р.)

Нина Б. родилась в 1930 году в деревне Заценье, кроме нее в семье было еще 7 детей. Когда пришли немцы Нину Б. с отцом и старшими детьми вывезли в лагерь в Кенигсберг. Мать с младшими оставили в деревне.

«Везли нас туда на машине. Один односельчанин перешел к немцам, когда началась войны. Помогал им нас везти. Когда мой отец просил его не забирать нас, он ему отказал».

Нина Б. рассказал, что в Кенигсберге они жили в двухэтажных бараках. Взрослых и детей возили на работы в поле, пололи грядки.

«Кормили нас соленой брюквой и водой. Кормили мало, поэтому мы часто не доедали и были голодными. В лагере мы пробыли 3 года, пока не кончилась война. Помню, что всех жителей лагеря хотели утопить в озере, однако война к тому времени закончилась, немцы сделать этого попросту не успели».

Воспоминания прошедшей войны. Детство Кононовой Пелагеи Мироновны, а ныне Михайловой П.М.

До войны я проживала в Могилёвской области, Кировского района д.Лещенко. И родом я оттуда. В 1941 году началась Великая Отечественная война. А в 1942 году в июне месяце нашу деревню захватили фашисты. Стали брать детей. Мне тогда было 11 лет. В нашей деревне были беженцы из деревни Барово. Много детей оттуда забрали немцы. В их числе была и я. Нас вывезли на машинах за Бобруйск в деревню Красный берег, и там был лагерь. Там мы находились почти месяц. Каждый день в этот лагерь привозили новых детей. Я помню, что сказали: «Уже две тысячи детей». Потом, через месяц нас привезли на станцию Бобруйск. Стали нас грузить в товарный поезд. Очень много было нагружено немецких поездов с нашим добром. Немцы не могли никак отправить всё это в Германию. Партизаны все поезда подрывали. Потом они решили пустить наш поезд с детьми. Партизаны узнали, что в поезде дети, и не стали подрывать. А потом немцы пустили свои поезда. И вот так началась моя жизнь. До Орши нас везли, не открывая вагоны. В Орше вагоны открыли и дали перловый суп, он был весь с червями. Никто из детей не ел его. Потом повезли нас дальше. За все время я побывала в многих лагерях, но я не помню в каких. Затем нас привезли в город Дессау на реке Эльбе. Но мне кажется, что этот последний лагерь, где я находилась - назывался НОРД.

Вот там начались большие мучения детей. Я помню - приезжали в лагерь врачи, с собаками, с музыкой, нас становили в шеренгу и мы стояли, прижимаясь друг к другу. Среди нас была девочка Кузякова Надя, она была чуть старше нас. Она шила нам из одеяла носки, на ногах у нас были короткие, и мы эти носки одевали - грели ноги, и передавали друг другу. Со мной в бараке были девочки Люба Агафонова, Рая, Вера Старохатняя, Ресевец Зина. Кормили нас очень плохо. Мальчиков даже кастрировали. Я теперь еще помню, рядом наш лагерь военнопленных солдат. Немцы их били, выгоняли на улицу, за то, что они пели песни, наши военные. Военная машина приезжала с собаками, они их выгоняли на улицу, били, травили собаками. А нас в это время выгоняли на улицу и мы все это смотрели. Тогда нам говорили, что за не послушание будет и вам это. В наш лагерь с Освенцима привезли детей. Все они были с номерами. Там я познакомилась с девочкой, она из Беларуси, её звали Королева Зина. Её номер 61940. Мы до 1945 года были с ней вместе.

Когда немцы почувствовали, что им скоро придет гибель, они стали отступать, и нас тоже гнали, в какое-то другое место, но я не знала куда. Но там уже все захватили немцы. Нам не куда было идти, и мы ушли в лес. Было

много детей. Мы там долго скитались, есть было нечего. Много детей умерло. Один мужчина сказал: «Дети! Кто может идти, пойдёмте со мной. Тот лагерь ещё никем не занят». Тогда мы дошли к реке Эльбе, перешли через мост, шли гуськом, так как мост был заминирован. И только мы пришли в лагерь, спустились в бомбоубежище, и тут началась стрельба. В нашем бомбоубежище одна сторона обвалилась.

Потом мы слышали, как открылась дверь и к нам зашли военные, мы испугались, что нас будут расстреливать и начали кричать. Они что-то говорили, но мы их не понимали. Военный подошел к мальчику, стал гладить по голове и спросил, кто умеет говорить на немецком языке. Нашелся один мальчик, стал говорить на немецком языке. И тут военный сказал, что Гитлеру капут. Это были американцы. Они знали, что здесь детский лагерь, и они пришли нас освободить. Потом через реку Эльбу, через несколько дней, переправляли к нашим солдатам, на резиновых лодках. Солдаты наши, несли некоторых детей на руках, потому что некоторые дети не могли идти, очень были ослаблены. Когда, на машинах, привезли нас в свою часть, там нас показали врачам, медсестрам. Мы были оборванные, грязные, больные.

Все на нас смотрели и плакали. Обмыли нас, накормили, в чистые постели спать уложили. Смотрели за нами очень хорошо. Была там создана школа, определили нас всех, в те классы, в которые мы ходили до войны.

После освобождения, в Германии мы находились ещё полгода. Потом нас стали отправлять на Родину, в детские дома. Но я в детский дом не попала. А мои подружки попали. Они находились в Будславском детдоме. Позже за детьми приезжали родители, которые остались живы.

Я вернулась на Родину. А отец мой не вернулся, прислал матери последнее письмо: «Иду на Берлин, отомстить врагу за дочь Полину». До 1951 года я жила в своей деревне Лещенко. В 1951 году меня забрал в Минск, родной дядя. Я устроилась в Минске на работу. Потом вышла замуж. Теперь у меня своих родных трое детей. Я взяла на воспитание чужую девочку. Воспитала её как родную. До сих пор я ещё работаю. Работаю няней в детском саду №27. Всю свою жизнь посвятила детям.

Из протокола допроса **Зинаиды А. (1940 г.р.)**.

Зинаида А. рассказала, что когда начали бомбить Минск, люди спасались как могли. Во время бомбежек, она с родными бегали в погреб к соседке, которая жила напротив. Помимо их, там прятались и другие люди.

«Во время оккупации Минска было расстреляно много людей на Немиге».

Зинаида А. рассказала, что летом 1944 года возле вокзала немцы выстроились в два ряда, в коридор, с собаками. Выгоняли людей из домов, после чего вели через указанный коридор к товарным вагонам поезда, где было очень тесно и неудобно. Вагоны забивали людьми «под завязку», воздуха в вагоне не хватало.

«Куда мы ехали, мне было на тот момент неизвестно. По пути

следования в вагоне люди умирали от нехватки воздуха. В ходе остановок, трупы выбрасывали. Остановок было немного, но на них всегда подсаживали новых пленных. Во время следования в поезде, нас не кормили. Привезли нас в какой-то лагерь, расположенный вблизи Бранденбурга».

Зинаида А. рассказала, что в лагере были бараки с двухъярусными нарами, где людям не хватало места. Одна женщина – врач по профессии, говорила немцам, что люди болеют тифом, спасая таким образом многих от отправки в другой лагерь.

«В лагере было много вшей, люди болели, чем именно, не знаю. Все жили в одном бараке. Медицинская помощь не оказывалась.

На территории лагеря была смотровая вышка, на которой был дозорный немецкий солдат, он часто кидал с вышки на землю печенье. На это печенье сбегались дети, а немец своим голосом имитировал звуки выстрела, мол, сейчас буду стрелять, таким образом издевался над ними».

Зинаида А. рассказала, что проволока лагеря была под напряжением. Одна девочка полезла под проволоку – ее убило от напряжения тока. Мать этой девочки не выдержала горя и сама бросилась на указанную проволоку, отчего также умерла.

«В лагере нас кормили в основном похлебкой, которую нам наливали в банки из-под консервов. Кормили нас ежедневно, однако я помню, что во время того, как нам наливали похлебку в банки, следом за человеком, наливавшим их, шел кто-то из немцев и выбивал у людей из рук банки, отчего еда выливалась на землю, а люди пытались собрать остатки еды с земли. Взрослые отдавали детям свою еду».

В лагере умирало много людей, однако постоянно завозили новых пленных.

«Из лагеря нас освободили танкисты Красной армии. Люди были настолько запуганы и голодны, что, осознав свое освобождение, подошли к куче очистков, стали есть их сырыми. Позже, солдаты в полевой кухне сварили кашу и раздали ее в котелках. На тот момент мы совсем разучились ее есть. Мы не знали, как есть из котелка».

София Ж. (1927 г.р.).

Софии Ж. было 13 лет. Когда началась война, София Ж. гостила у бабушки в деревне Мякоты. В 1941 году в деревню пришли немецкие войска. Мать Софии Ж. после долгих уговоров немцев получилось забрать дочь домой в Минск. София Ж. хорошо помнит, как они с мамой пешком возвращались в Минск.

«Вернувшись в Минск, мы обнаружили, что у нас сгорело все: дом, сарай. Помимо нашего дома были и иные сгоревшие дома. Жить тогда было нигде».

В тот период из Минска вывозили пленных, София Ж. помнит, что в

парке Челюскинцев было большое скопление пленных. Задерживали людей немцы, но попадались и полицаи, которые были очень жестокими. Пленными отправляли в Германию.

Вагоны были как телятники, битком заполнены.

«Помню, что в момент задержания к нам в дом пришли 2 полицаи, которые хотели расстрелять мою маму с младшей сестрой на руках якобы за связь с партизанами. В этот момент в дом пришел немецкий солдат, который поговорил на польском языке с моей мамой. О чем они говорили, я не знаю, однако он приказал не убивать нас, таким образом, спас нас от рук полицаев».

В лагерь Софию Ж. привезли в 1944 году в польский город Лодзь, где она пробыла 1 год.

«Помню, как в лагере расстреляли 2 людей. Пленные делали золотые кольца на продажу полякам. Один немецкий офицер приобрел сделанное пленными кольцо и рассказал всем, что он не просто так работает в лагере, что он еще и разбогател. Но через определенное время кольцо офицера почернело. После этого всех рабочих собрали и двоих из них расстреляли».

Нина К. (1936 г.р.).

Нина К. родилась в 1936 году в Витебске.

«Мы все вместе (мать, она, брат, бабушка, мамина сестра) проживали в квартире, пока в 1941 году, летом в наш дом не угодил немецкий снаряд. Витебск обстреливали немецкие самолеты, наш дом полностью сгорел. Нам в тот день повезло».

После того, как сгорел дом Нина К. и ее родные около 2-х лет проживали в лесу под Витебском, постоянно меняя расположение проживания. Жили в землянках, питание было плохим, выживали, как могли.

Весной 1943 года Нину К. с семьей окружили немецкие войска, среди которых были и полицаи. Полицаи были в гражданской форме одежды с белыми повязками на рукавах. Окружив лес, немцы и полицаи начали расстреливать тех людей, которые пытались убежать, остальных брали в плен. Точное количество убитых людей Нина К. не запомнила.

«Помню, что, когда я убегала, я слышала, что нам вслед раздаются немецкие крики, звуки выстрелов, в тот момент всем было очень страшно, мы опасались за свою жизнь. Мне не удалось убежать, т.к. я была маленькой, кто-то из немцев ударил меня палкой по голове, отчего я упала и сломала руку. Я начала кричать от боли, мама, услышав это, вернулась ко мне, как и остальные члены нашей семьи, меня никто не бросил там».

После этого Нину К. с родными погрузили в поезд, в вагонах которого было много людей, очень тесно. Людей не кормили.

«Сколько мы ехали, я не знаю. Помню, что нас привезли в какой-то лагерь, говорили, что необходимо помыться в этом лагере, однако на самом деле людей загоняли в газовую камеру, где в последующем их уничтожали.

Мне в тот день стало плохо, поэтому мы с мамой не попали в газовую камеру. Никто из наших родственников также не попал в газовую камеру. В основном в камеру загоняли детей, женщин и стариков».

В 1943 году Нина К. оказалась в «фильтрационном» лагере, в который приезжали немцы и набирали себе рабочую силу. Так Нина К. с семьей попала к немцу, у которого было хозяйство вблизи Кёнисберга. У немца работало много советских людей. Люди жили в бараках за колючей проволокой. Дети жили отдельно от взрослых. В течение дня бараки были закрыты вместе с детьми под замок.

Ольга Ч. (1937 г.р.).

В 1941 году в деревню, где проживала Ольга Ч. с родителями, пришли немцы. Взрослых евреев, проживавших в деревне, убили сразу, а детей вывезли в неизвестном направлении. Немцы грабили дома, забирали всю еду, а люди питались тем, что успели спрятать. Немцы установили свои правила, за нарушении которых людей расстреливали.

Позже Ольгу Ч. отправят в концлагерь Озаричи.

«Лагерь был обнесен по периметру колючей проволокой, охранялся немцами в форменной одежде, с автоматами и собаками. Спали мы на земле. Люди выживали, как могли, детей укрывали соломой. В лагере нас не кормили. Единственный раз в толпу бросили булку, которую люди разделили, как смогли... Мне запомнился случай, когда при очередном обходе немцев с собаками, они остановились возле дедушки, состояние которого было очень тяжелым, они с него смеялись, их это забавляло, после чего сфотографировали его и застрелили. Мертвых людей сбрасывали в ямы».

Ольга Ч. рассказала, что когда пленных освободили советские солдаты, то многих пришлось выносить на руках, настолько люди были ослаблены и изнеможены.

Вернувшись в родную деревню, Ольга Ч. обнаружила, что от деревни остались только печи и трубы, дома были сожжены.

Александр П. (1936 г.р.).

Когда началась война, я проживал с мамой и двумя старшими сестрами в деревне в Минской области. Немцы пришли в деревню в 1941 году. Председателя сожгли с домом, в подвале которого он прятался. Вместе с немцами пришли и полицаи. Жителей ближайших деревень привезли в нашу: одних расположили в поле, других – согнали в сарай. Потом оказалось, что тех, кого согнали в сарай, вывезли в Германию.

Нас с мамой в 1942 году вывезли в лагерь в Германию. Сестры остались дома.

Лагерь располагался возле города Мелихаузен. Нас очень плохо кормили. Еду давали только тем, кто стоял в очереди. Спали мы на

деревянных двухъярусных кроватях. Позже нас забрал на ферму к себе один немец. Моя мать на него работала.

Нонна К. (1940 г.р.).

Все события военного времени помню со слов своей матери. Она рассказывала, что в 1943 году в деревню в Минском районе, где мы проживали, пришел карательный отряд латышей. Они выгнали всех жителей деревни из домов, при этом женщин и детей согнали отдельно. Стариков и больных согнали в сарай и подожгли. Кто пытался бежать – расстреливали. Затем сожгли всю нашу деревню, а всех жителей отправили в Германию. Нашу семью привезли в товарных вагонах в трудовой лагерь на севере Германии. Мама с остальными взрослыми целый день работали, а мы с сестрой и другими детьми были без присмотра.

Светлана Н. (1945 г.р.).

Я родилась в лагере для рабочих вблизи г.Эльбинг Восточной Пруссии, о войне мне известно со слов матери.

Моя мать родилась в г.п.Белыничи Могилевской области. Ее и других молодых людей осенью 1942 вывезли в товарных вагонах на подстилках из соломы в Германию. Сначала она попала в домработницы к одной немке. Осенью 1943 года хозяйка была вынуждена по извещению отправить мою мать в бюро по найму. Ее увезли для работы на заводе по изготовлению деталей в г.Эльбинге, где она познакомилась с моим отцом. Родителям разрешили оформить брак.

Пленным разрешалось свободно передвигаться по городу, но обязательно со значком "Ост". Условия жизни были тяжелые: бараки с двухъярусными кроватями, кормили один раз в день – похлебкой с червями. Люди были истощены. Неоднократно у матери и других пленных брали кровь большими дозами, из-за чего люди порой теряли сознание.

Когда к городу приблизилась линия фронта, то всех пленных погнали в тыл, чтобы не терять рабочую силу. Они шли долго пешком, затем людей погрузили на корабли, где было уже много пленных разных национальностей. Хотели направить в другие страны, но высадили на территорию, освобожденную союзниками.

Николай Ч. (1932 г.р.).

Во время начала Великой Отечественной войны я проживал в д.Слобода Горецкого района Минской области вместе с тетей и старшим братом.

В 1942 году деревню оккупировали немецкие солдаты. На тот момент мне было около 10 лет. Немцы согнали всех жителей деревни и загрузили в вагоны на ж.д.станции «Зубры». Жителям деревни разрешили взять с собой

немного вещей и еды. Там уже были жители из других деревень. Нас всех загрузили в грузовые крытые вагоны и отвезли в г.Оршу.

Когда нас пригнали в г.Оршу, нас разместили в каком-то бывшем телятнике. Там уже находились пленные жители из Тамбовской области, Орловской области. На ж.д.станции в г.Орша сначала отобрали работоспособных, которых со слов очевидцев увезли в Германию на работы. Потом оставшихся стариков, детей и нетрудоспособных тоже загрузили в грузовые вагоны и повезли с г.Орши. Везли около 8 суток. Кормили нас буханкой хлеба на 8 человек и кружкой воды. Медицинского обслуживания не было, на станциях разрешали выходить и находиться рядом с вагоном.

Все время со мной были мои родственниками: дедушка, сестра, тетя и ее сестра с двумя детьми. Нас привезли в лагерь. Сначала нас поселили в бывшей конюшне, одежду забрали на дезинфекцию, затем вернули. Ходили слухи, что за время маршрута из г.Орша в поезде умерло 300 детей. В моем вагоне никто не умирал. Кормили нас супом и буханкой хлеба на 8 человек.

В лагере был подкоп и я с ребятами часто покидали территорию. В городе мы кололи дрова, пилили, чистили картофель для того, чтобы была возможность взять еды, так как в лагере ее не хватало. В лагере пробыл 5-6 месяцев. Затем нас снова погрузили в телятники и привезли в какой-то польский город. Еды нам не давали, за еду приходилось работать. Когда дед на санях переезжал речку, сани провалились, так как лед был слабый. Дед вытаскивал их из-под льда, простыл, через две недели умер. Его лечением никто не занимался.

После этого нас привезли в какой-то дом помещиков, где никто не проживал. Находились мы там несколько месяцев, за это время я работал пастушком, за работу денег мне не платили, а выдавали едой. У кого работал я не помню. Освободили нас в 1944 году.

Валентина П. (1935 г.р.).

На момент начала войны мне было 6 лет, однако я готова сегодня рассказать все то, что запомнила сама и рассказывали мне родители.

Моя семья (мама, папа, я и сестра) встретила войну в деревне д.Змеевка Жлобинского района Гомельской области, где на тот момент мы проживали. Я хорошо помню, когда всем нам сказали, что началась война, я тогда вместе с другими детьми прыгали около клуба и кричали: «Война!Война!», не понимая на тот момент всего ужаса, страха и страданий, которые нас ожидали впереди.

В деревню пришли немцы. По ночам приходили партизаны. Помню, что партизаны как-то пришли и убили трех немецких солдат. После чего за это на следующий день немецкие солдаты расстреляли половину жителей нашей деревни, тогда убили и моего двоюродного брата Гену, подругу сестры Александру. Подруге сестры Лиде прострелили руку.

Есть воспоминания, которые навсегда врезались в мою память, и я сегодня готова о них рассказать.

Я помню, что я вместе с родителями и сестрой едем в кузове грузовой машины, в котором было много людей. Везли нас немцы в Красный берег, где потом расформировывали. Я помню, что папу от нас забрали, но у него получилось вернуться. Мне было страшно, что он не вернется. Затем нас везли в товарных вагонах, где было много людей. Была только одна остановка, где нас вывели попить воды из болота, вода была желтого-коричневого цвета.

Мы шли в колонне людей по широкой дороге в лесу с мамой и папой. Я помню, что было страшно, папа говорил мне о том, что бы я держалась крепко, поэтому я крепко одной рукой держала его за штанину. С двух сторон нас сопровождали немецкие солдаты в серой форме. Люди шли, в две колонны, между колоннами было расстояние, по которому шли кони с телегами. Одна женщина преклонного возраста из нашего ряда увидела на второй стороне дороги кого-то знакомого и решила перейти через ряд, но завязла в грязи. В этот момент я увидела, как ее на моих глазах переехал немецкий солдат на телеге.

Когда моя мама споткнулась, но не упала, немецкий солдат, проходящий рядом, ударил ее по голове палкой. Она все равно не упала, а я стала плакать, так как в тот момент я понимала, что ей очень больно. Тогда мама сказала мне, что ей не больно, чтобы я не плакала.

Люди, которые падали - в них тут же стреляли. Они падали, а мы шли дальше, и нам приходилось переступать через трупы людей.

Нас привели в лагерь Озаричи – это была территория болота, огороженная колючей проволокой. Территория лагеря - было замерзшее болото. Мой папа нашел свободное место, чтобы могли вчетвером рядом лечь на землю, недалеко от входа в лагерь, так как там уже было много людей. Костер разжигать не разрешали. Утром я не могла встать, так как у меня были застывшие ноги. Мы все сидели. Людей было много. Мы сидели вместе, чтобы было тепло.

В лагере «Озаричи» мы пробыли под открытым небом около 7 дней. Там умирало много людей от холода и голода, каждый день убирали трупы людей, некоторые не убирали. Помню, что в какой-то день было очень холодно и был сильный ветер и я попросила папу подойти к «стогу», который был недалеко от входа в лагерь. Когда мы подошли ближе, оказалось, что это гора из человеческих трупов.

Папа говорил о том, чтобы я все время ходила вокруг мамы, чтобы не замерзнуть. Я ходила и споткнулась, после я встала и увидела, что под снегом лежал труп человека, за который я зацепилась. Трупы людей лежали везде.

Я помню, что нас кормили, точнее кидали на землю замерзший хлеб и

сырое мясо (конину), но мы его не брали, у моего отца тогда был в сумке засушенный хлеб, мы его и ели. Я меня нет воспоминаний о том, что в данном лагере «Озаричи» меня били, или на моих глазах били кого другого, но там были созданы все условия, для того, чтобы люди умирали, там каждый день умирало много людей от голода и холод

Потом я помню, что в одну ночь, было очень тихо, все начали вставать и не было видно немецких солдат, после чего люди стали выскакивать с территории лагеря и они при выходе из лагеря стали подрываться [на минах]. Тогда папа сказал, чтобы мы сидели и не двигались, позже мы стали выходить. Через какое-то время помню появились наши советские солдаты, которые нас освободили и вывели всех.

После освобождения в марте 1944 года насколько я помню, то мы направились в деревню Гусевица, которая находилась около Калинковичей, где нас приютили посторонние нам люди, мы прожили в их доме около 2-3 месяцев, а когда наши солдаты освободили Жлобинский район, то мы вернулись в нашу деревню Змеевка, в наш дом, который остался, так как в нем во время войны жили немцы. Помню, что внутри наш дом был абсолютно пустой, там ничего не было. Помню, что в нашей деревне было много домов сожжено, у нас во дворе рос ячмень, мы его ели сырым, так как есть было нечего, также мы находили на поле гнилую картошку и из нее пекли блины.

Я до сих пор очень хорошо помню звук пролетающих над головой трассирующих пуль, который я слышала все время в лагере «Озаричи», как только кто-то из людей вставал, а вставать нельзя было.

В силу моего возраста на тот период, иных обстоятельств того, что рассказывала моя мама и папа, у меня не сохранилось. Мои родители вообще мало рассказывали о войне, старались о ней не вспоминать, так как данные воспоминания были для них тяжелыми.